

К. ДЕНЧЕВ (Болгария)

МИРОВАЯ СИСТЕМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Накануне Первой мировой войны Первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль принял историческое решение: заменить уголь нефтью в качестве топлива для кораблей британских ВМС. Он намеревался это сделать, чтобы британский флот превосходил по быстроходности немецкий. Но данная замена также означала, что отныне Королевские ВМС должны были полагаться не на уголь из месторождений в Уэльсе, а на ненадежные поставки нефти из Персии¹. Таким образом, энергетическая безопасность превратилась в вопрос государственной стратегии. Со времени принятия Черчиллем этого решения тема энергетической безопасности вновь и вновь возникала в качестве важнейшей проблемы, и сегодня она постоянно находится в центре внимания.

Понятие энергетической безопасности не является статичным и зависит от многих факторов. Но теперь оно требует переосмысления, ибо то, что на протяжении последних трех десятилетий являлось парадигмой энергетической безопасности, приняло слишком ограниченный характер и нуждается в расширении для того, чтобы включить в себя множество новых факторов. Более того, необходимо осознать, что энергетическая безопасность не существует сама по себе, а напрямую связана с более широкими отношениями между государствами и способами их взаимодействия друг с другом.

Одновременно происходит расширение предметного поля безопасности за счет включения в эту сферу невоенных мировых угроз. Происходит выравнивание приоритетности различных сфер “широкой безопасности”. Военная безопасность несколько теряет свое ранее почти монопольное положение в “высокой политике”.

Задачу определения пределов допустимости и целесообразности включения невоенных угроз в поле безопасности попытались решить ученые “Копенгагенской школы”, профессора О. Уэйвер (Копенгагенский университет), Б. Бузан (Лондонская школа экономики) и Я. Уилде (Университет Твента, Нидерланды). Они ввели понятие “секьюритизация” – придание международной или внутренней проблеме статуса “особый”, относящейся к высокой категории безопасности, или легимитизация применения для ее решения специальных мер, выходящих за границы политического процесса².

В последнее время в центр внимания выдвигается тематика “энергетической безопасности”, в которую включается почти вся сфера мирового взаимодействия, связанного с производством, транспортировкой и потреблением энергоносителей.

Сегодня ряд аспектов энергетической сферы сохраняет признаки “секьюритизации”. Форс-мажорными могут рассматриваться случаи ограничения выхода на мировые рынки посредством блокады морских путей или транзитных трубопроводов для поставщиков нефти и газа, доходы, от поставок которых в большей степени определяют экономическую жизнедеятельность, а, следовательно, и военную безопасность этих

Денчев Камен – доктор политических наук, профессор, член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург), профессор Государственного университета – Высшей школы экономики и Московского государственного педагогического университета.

¹ См.: *Денчев К., Златев В.* Нефть, газ и геополитика. София, 2000, с. 33–34.

² *Buzan B., Waerer O., Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Lynne Rienner, 1998.

государств. Вместе с тем даже временное политически мотивированное прекращение продаж энергоносителей крупными поставщиками грозит повторением “энергетического шока” 1974 г. для энергозависимых стран и регионов, да и для всего мирового хозяйства, с серьезными экономическими и неизбежно военными последствиями.

Современное состояние мировой экономики определяется ценой одного барреля нефти, а не ценой тройской унции золота на Лондонской бирже, либо курсом доллара США по отношению к конвертируемым валютам других государств. Справедливость данного тезиса подтверждается всем ходом истории, начиная с того момента, когда двигатель внутреннего сгорания, работающий на продуктах нефтепереработки, стал одним из главных факторов и показателей экономического развития. Наиболее наглядно об этом свидетельствует Вторая мировая война и цепь последующих событий в особенности энергетический кризис 70-х годов, вынудивший США в 1971 г. отказаться от золотого паритета доллара.

Кроме того, даже сама политика как один из наиболее известных человечеству способов борьбы за власть и, следовательно, деньги и собственность, обычно проявляющаяся либо в форме парламентской борьбы, направленной на относительно кратковременное пребывание у кормила государственной власти, либо в форме революций, меняющих отношения собственности для целых классов и социальных слоев на длительный период, чаще всего ориентирована на обладание топливно-энергетическими ресурсами отдельной страны или групп нефтедобывающих стран, что дает наиболее стабильный и преимущественно надежный, по сравнению с другими, источник получения высокой прибыли. Как показывает история, нефть и политика во всех ее проявлениях неразделимы.

ЭНЕРГОРЕСУРСЫ – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТОВАР

С 1912 г., когда правительство Великобритании по настоянию Черчилля приняло решение перевести весь военно-морской флот страны на другой энергоноситель, нефть начала приобретать значение не только экономического, но и геостратегического фактора. Черчилль прекрасно понимал, какой важности решение он принимает:

“Перевести суда с угля на нефть означало привязать к нефти все наше военное превосходство. На наших островах необходимых по объему залежей нефти не было. Мы должны были, будь то мир или война, доставлять себе нефть по морю из стран, отдаленных от нас. Перевести флот с британского угля на зарубежную нефть само по себе было решением огромной важности”³.

Первая мировая война, в ходе которой были созданы танковые и военно-воздушные силы, на многие десятилетия вперед показала важность нефти и путей ее подвоза в качестве решающих факторов мировой геополитики.

Так быстрый рост в начале XX в. нефтяной промышленности России по мнению некоторых исследователей США, например, Р. Эпперсона, заставил американских нефтепромышленников активно вмешаться во внутренние дела царской империи. Он даже полагает, что революция 1917 г. в действительности являлась революцией, спровоцированной американскими и европейскими нефтяными кругами с тем, чтобы вырвать контроль над российскими месторождениями у Ротшильдов и Нубиле⁴.

Во время Второй мировой войны многие крупномасштабные военные операции предпринимались не столько с целью чисто территориальных захватов, сколько в попытке отнять у противника доступ к залежам нефти или стремлении перерезать коммуникации нефтеснабжения.

Составляя планы нападения на СССР, германское военное руководство отводило значительное место захвату советских нефтяных районов. Небезынтересно и то, что если до начала реализации плана “Барбаросса” захват кавказской нефти выглядел как

³ Churchill W.S. The World Crisis. 1911–1918, v. 11. London, 1964, p. 91.

⁴ Второй Российский энергетический саммит. – Международная жизнь, 2001, № 1.

достижение одной из стратегических целей в войне против СССР, то по ходу войны эта задача превратилась в первостепенную. Несмотря на то, что немецкие войска внезапным ударом заняли районы с почти не разрушенными нефтяными промыслами на западе Украины и наладили производство горючего из нефтяных сланцев в Эстонии, проблема нехватки горюче-смазочных материалов остро сказывалась на всех фронтах и в самой Германии. Особенно острой была эта проблема на Восточном фронте в течение всего периода войны против СССР⁵.

Следует подчеркнуть, что подобные планы составлялись не только в Берлине. Кавказ интересовал также Турцию, Францию и Англию. Причем, правительства этих стран всерьез рассматривали возможность военного вторжения в СССР. Еще в январе 1940 г. премьер-министр Франции Э. Даладье предлагал французскому генеральному штабу оценить три возможных варианта нападения на СССР: 1) боевые действия на Черном море; 2) непосредственное вторжение на Кавказ; 3) возможность поднять восстание мусульманского населения Кавказа. В донесении французского военного атташе в Москве о состоянии нефтяной промышленности СССР как один из способов оказать помощь Финляндии предлагалась “наземная операция” или, по меньшей мере воздушный налет на нефтяные районы Кавказа⁶.

Подлинный бум с нефтью, однако, пришелся на послевоенные годы, когда началось широчайшее использование нефти не только в качестве энергоносителя, но и как первостепенного сырья для производства химической продукции. Увеличение потребления и диверсификация использования нефти в послевоенный период сопровождались сложными политическими процессами, в результате которых геостратегическая значимость нефтяных месторождений и путей транспортировки нефти многократно возросли по сравнению с тем временем, когда Черчилль принимал решение о переводе британского флота с угля на нефть.

Вот уже почти 100 лет “ресурсный фактор” является одним из основных элементов, влияющих на международные отношения. Принципиальное значение имеет тот факт, что речь идет о взаимосвязанности международных отношений с проблемой энергетической безопасности. Огромное значение энергоресурсов в мировой политике вызывает обострение как скрытого, так и открытого противоборства между ведущими державами за контроль над ними.

Из поколения арабских лидеров, пришедших к власти после Второй мировой войны, первым понял значимость фактора нефти президент Египта Г.А. Насер. В книге “Философия революции” Насер называет нефть в числе трех основных составляющих сил Арабского мира, поскольку нефть – это центральный источник мощи западной цивилизации⁷.

В июне 1956 г. Насер национализировал Суэцкий канал, создав тем самым значимую угрозу экономике западных стран: в 1955 г. поставки нефти через Суэц для нужд только Европы составляли 67 млн. тонн. Этот шаг вызвал вооруженный кризис. Тем самым Насер показал, что пути подвоза нефти в геополитическом смысле могут быть не менее важны, чем регионы нефтезалегания.

Существенно влияет на внешнюю политику всех вовлеченных в “нефтегазовую дипломатию” стран и тот фактор, что нефтегазовый бизнес по-прежнему остается одним из самых прибыльных видов предпринимательства. Это касается как отдельных компаний, так и государств. В 70-е годы СССР создал систему относительной политической и экономической стабильности преимущественно на доходах от нефтяного экспорта.

Н.С. Хрущев первым из советских лидеров обнаружил, что нефть обладает ценностью сама по себе, отдельно от заводов, танков и самолетов, т.е. является товаром.

⁵ *Генов Н.* Източна Европа в глобалните процеси. София, 2000, с 154.

⁶ Геополитическое положение России: представления и реальность. М., 2000, с. 352.

⁷ *Насер Г.А.* Фалсафат ас-саура (на араб. яз). Каир, 1954, с. 185.

И он начал продавать нефть по низким ценам и с русским размахом. Хрущев решил утопить Запад в море нефти. В западной литературе акция Хрущева (1958 г.) получила название “советского экономического наступления”.

С начала 70-х годов Советский Союз начал поставлять на Запад во все возрастающих объемах и природный газ. В те годы, с освоением Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса, СССР превратился в крупнейшего экспортера нефти и природного газа. В период с 1973 по 1985 г. СССР получил около 200 млрд. нефте-долларов⁸.

В те годы советские стратеги усмотрели прекрасный инструмент для решения своих геополитических задач – укрепить позиции СССР в мире и ослабить Запад.

Таким образом, ресурсы приобрели свое значение в качестве экономического и геополитического фактора, который ощутимо повлиял на мировую политику. Как следствие, резко возросла зависимость стран Европы от поставок зарубежной нефти. Рост импорта нефти происходил на фоне ослабления позиций западных компаний в нефтедобывающих странах.

СТАРАЯ НЕФТЯНАЯ ЭРА

До Второй мировой войны политическое соперничество на Ближнем Востоке за право доступа к нефтяным месторождениям велось главным образом между Великобританией и США, которые стояли за конкурентной борьбой компаний, входящих в так называемый синдикат “Семь сестер”⁹. На долю британцев к тому времени приходилось 80% добычи нефти в Персидском заливе, а американских компаний 14%. Для сохранения этих пропорций было заключено специальное соглашение о “красной линии”, которое определяло нефтяную концессионную политику на территории бывшей Османской империи.

Однако это соглашение, как показало время, носило формальный характер и не остановило продвижение американских компаний в регионе. Получение рокфеллеровской “сестрой” Standard Oil of California (Chevron) концессий в Саудовской Аравии и впоследствии образование ею совместно с Техасо концерна American Arabian Oil Company (ARAMCO), а также вхождение в середине 40-х годов в него компаний Standard Oil of New Jersey (впоследствии Exxon) и Mobil изменило соотношение сил в регионе в пользу американцев. К середине 50-х годов американские компании уже добывали более 60% нефти в регионе. Политически дальнейшее проникновение интересов США было закреплено в ходе встречи президента Ф.Д. Рузвельта с королем Саудовской Аравии Ибн – Саудом в феврале 1945 г. В 70-х годах США сменили Великобританию в качестве военно-политического гаранта стабильности региона – была серьезно наращена военно-морская группировка в Персидском заливе, получены базы в Бахрейне и Диего-Гарсии, усилены позиции в шахском Иране.

К длившемуся десятилетиями соперничеству США и Великобритании в нефтяной сфере в 60-х годах XX в. прибавилось противостояние ведущих западных государств и их компаний с нефтедобытчиками Ближнего Востока. Они потребовали, чтобы западные компании повысили их долю в нефтяных доходах и отказались от диктата “Семи сестер” в вопросе установления “справочной цены” (рынка нефти в его современном понимании тогда не существовало – цены на нефть сразу указывались в долгосрочных контрактах).

“Первый “бунт” обладателей нефтяных ресурсов начался в конце 1960 г., когда в Багдаде представители Ирака, Ирана, Кувейта, Венесуэлы и Саудовской Аравии созда-

⁸ Эксперт, 1998, № 42, с. 41.

⁹ Крупные нефтяные компании, господствовавшие на мировом энергетическом рынке, так называемые “семь сестер”: Exxon, Mobil, Chevron, Texaco, Gulf, Royal Dutch-Shell и British Petroleum. Это выражение приписывается президенту итальянской нефтегазовой корпорации ENI Э. Маттеи.

ли ОПЕК: Организацию стран – экспортеров нефти (Organization of Petroleum Exporting Countries). Тогда пять этих стран обеспечивали порядка 80% мирового экспорта нефти¹⁰.

Гораздо важнее, что страны ОПЕК аннулировали концессии и национализировали нефтяные активы, расположенные на их территориях. Например, Муаммар Каддафи 1 сентября 1969 г. организовал в Ливии военный переворот, а затем отнял собственность у нерезидентов, основным из которых являлся известный в СССР американский бизнесмен А. Хаммер¹¹.

ОПЕК к началу 70-х годов серьезно укрепила свои позиции. Именно тогда и начался кардинальный передел мирового рынка нефти. В 1973 г. арабские страны ввели нефтяное эмбарго против союзников Израиля, которыми выступали страны Запада, а ОПЕК эту акцию активно поддержала. Мировые цены на нефть совершили резкий скачок – с 2,9 долл. за баррель в сентябре до 11,65 долл. в декабре, а мировую экономику охватил первый энергетический кризис.

Формальной причиной первого нефтяного кризиса стала арабо-израильская война, начавшаяся в еврейский праздник Йом-Кипур 6 октября 1973 г., когда Сирия и Египет напали на Израиль. Спустя 10 дней после ее начала страны – члены ОПЕК по инициативе Саудовской Аравии приняли решение применить “нефтяное оружие” – одновременно повысить цены на сырую нефть на 70 процентов. Уже 17 октября было принято решение о сокращении нефтедобычи на 5% (ряд арабских стран пошел еще дальше, объявив о 10% сокращении добычи) и о последующих ежемесячных ее сокращениях на 5% вплоть до достижения требуемых “политических” результатов.

22 октября по призыву Египта и Сирии арабские страны – производители нефти объявили эмбарго на продажу нефти США в качестве ответной меры на заявленное президентом Р. Никсоном намерение увеличить поставки американских вооружений Израилю. Ведущие нефтяные компании западного мира в свою очередь немедленно взвинтили цены на нефтепродукты. Два месяца спустя ОПЕК принял решение о повышении цены на нефть еще на 128%, в результате чего ее стоимость превысила 11 долл. за баррель. Нефтяное эмбарго закончилось 18 марта 1974 г. и, хотя и было непродолжительным, нанесло серьезный удар по экономикам разных стран. В 1973 г. Никсон, выступая в Вашингтоне, заявил: “Соединенные Штаты переживают самый серьезный энергетический кризис со времен Второй мировой войны”¹².

Это породило долгосрочную зависимость стран Запада от импорта нефти и одновременно – проблему обеспечения безопасности самого импорта и импортера. После победы в 1976 г. исламской революции в Иране и расторжения американо-иранского военного соглашения, западные страны оказались в зависимости от стран Персидского залива.

В условиях энергетического кризиса, который серьезно обострил многие экономические и социальные проблемы, для руководства ведущих стран западного мира стала очевидной необходимость создания инновационных механизмов консультаций, которые позволяли бы оперативно, с должной откровенностью (по выражению президента Франции В. Жискара д'Эстена, в контактах “узкого круга лиц на приватном уровне”) рассматривать острые проблемы с целью выхода на согласованные меры по их решению. Фактически речь шла о создании клуба, играющего системообразующую роль в мировой экономике¹³.

---

¹⁰ К этим пяти странам, основавшим организацию, позднее присоединились еще девять: Катар (1961), Индонезия (1962–2008, 1 ноября 2008 г. вышла из состава ОПЕК), Ливия (1962), Объединенные Арабские Эмираты (1967), Алжир (1969), Нигерия (1971), Эквадор (1973–1992, вернулся в 2007), Габон (1975–1994), Ангола (2007). В настоящее время в ОПЕК входит 12 членов.

¹¹ Подробнее см.: *Симонов К.В.* Глобальная энергетическая война. М., 2007, с. 51 – 62.

¹² См.: *Solberg C.* Oil Power. New York, 1976, p. 5.

¹³ См.: *Исаков Ю.* “Восьмерка” и глобальные энергетические проблемы. – Свободная мысль, 2006, № 9–10, с. 25–37.

15–17 ноября 1975 г. в Рамбуэе – летней резиденции президентов Франции состоялась первая встреча лидеров “Большой шестерки” – США, Франции, Великобритании, Италии, ФРГ, Японии. В “семерку” этот механизм был преобразован на следующей встрече в Пуэрто-Рико (США) в июне 1976 г., когда при активном лоббировании США, стремившихся ослабить европейское большинство в клубе, к нему присоединилась Канада.

В итоговой декларации встречи в Рамбуэе наряду с согласованными оценками основных мировых торговых, валютно-финансовых и экономических проблем отмечалось приоритетное значение обеспечения экономики западных стран “достаточными” энергоресурсами. Были согласованы главные направления выхода из энергетического кризиса; сокращение импорта энергоресурсов и их консервация; рациональное природопользование и развитие альтернативных источников энергии; обеспечение более сбалансированных условий на мировом энергетическом рынке путем сотрудничества со странами – производителями энергоресурсов. При этом подчеркивалось, что “рост мировой экономики непосредственно связан с увеличением доступности энергетических источников”¹⁴.

Таким образом, нынешняя система энергетической безопасности была создана в ответ на нефтяное эмбарго, введенное арабскими странами в 1973 г. Ее цель – обеспечить координацию действий индустриальных стран в случае срыва поставок, стимулировать сотрудничество в области энергетической политики, избежать болезненной конфронтации в борьбе за поставки и не допустить никакого использования “нефтяного оружия” экспортерами в дальнейшем.

Ключевыми элементами этой системы являются базирующееся в Париже Международное энергетическое агентство (МЭА)¹⁵; стратегические запасы нефти; непрерывный мониторинг и анализ рынков энергоносителей и политики в области энергетики, а также экономия энергии и согласованное экстренное распределение стратегических запасов в случае нарушения поставок. Система мер на случай чрезвычайных обстоятельств была разработана для противодействия крупным сбоям в поставках, угрожающим мировой экономике и стабильности, а не для управления ценами и товарным циклом. С момента возникновения этой системы в 1970-х годах согласованное экстренное вскрытие стратегических запасов происходило лишь дважды: накануне войны в Персидском заливе в 1991 г. и осенью 2005 г. после урагана “Катрина”.

По мнению председателя Кембриджской ассоциации энергетических исследований (Cambridge Energy Research – CERA) Д. Ергина, в целях поддержания энергетической безопасности странам следует придерживаться нескольких принципов.

Первый и наиболее известный – это то, к чему призывал Черчилль более чем 90 лет тому назад: диверсификация поставок. Умножение числа источников снижает ущерб от срыва поставок из какого-либо одного источника, предоставляя возможность получать сырье из других, альтернативных, источников, что служит интересам как потребителей, так и производителей, для которых стабильность рынков – главный приоритет. Но одной диверсификации недостаточно.

Второй принцип – это устойчивость, “запас надежности” в системе энергоснабжения, который смягчает воздействие потрясений и облегчает процесс восстановления после сбоев. Такая эластичность может быть следствием многих факторов, включая достаточные незадействованные производственные мощности, стратегические запасы, резервное электропитание оборудования, необходимую вместимость резервуаров вдоль всей цепи снабжения, накопление важных составных частей для производства и

---

¹⁴ Rambouillet Summit Declaration. 17 November. 1975 – http://www.g8kyushu-okinawa.go.jp/e/past_summit/01/e01_a.html

¹⁵ Создание Международного энергетического агентства (International Energy Agency, IEA) в 1974 г. было ответом развитых стран – импортеров нефти на образование ОПЕК и на первый энергетический кризис 1973 г.

распределения электроэнергии, а также тщательно разработанные планы оперативно-го реагирования на сбои, от которых могут пострадать крупные регионы.

Отсюда вытекает третий принцип: признание реальности интеграции. Существует только один рынок нефти – сложная мировая система, перемещающая и потребляющая около 86 млн. баррелей ежедневно. Для всех потребителей безопасность кроется в стабильности этого рынка. Изоляция совершенно исключена.

Четвертый принцип – важность информирования. В основе хорошо функционирующих рынков лежит высококачественная информация¹⁶.

На международном уровне МЭА возглавило усилия по налаживанию потока информации о мировых рынках и энергетических перспективах. Эта работа дополняется шагами нового Международного энергетического форума¹⁷, который будет стремиться объединить информацию, поступающую от производителей и потребителей.

Хотя полезность такой системы, как МЭА, не подлежит сомнению, изменения, произошедшие в мировой структуре поставок нефти с момента его создания, требуют пересмотра концепции энергетической безопасности. МЭА создавалось, прежде всего, как противовес ОПЕК, но с 1974 г. доля ОПЕК в поставках нефти упала с 54 до 40%. Во времена создания МЭА практически 70% потребления нефти приходилось на страны ОЭСР¹⁸. С тех пор даже с учетом расширения ОЭСР и включения в нее такого крупного потребителя энергоносителей, как Южная Корея (восьмое место в мире по потреблению), доля ОЭСР в структуре мирового спроса сократилась на 10%, которые поделены между собой сторонние крупные потребители, такие как Китай, Индия, Бразилия.

В связи с этим возникает вопрос, достаточно ли адекватна система ОПЕК – МЭА как механизм регулирования мировой структуры поставок нефти. Основатель Кембриджской ассоциации энергетических исследований, а ныне независимый консультант Deloitte & Touche, Дж. Станислоу говорит о расширенном значении понятия энергетическая безопасность: “Оно больше не подразумевает только гарантии поставок. Энергетическая безопасность включает в себя безопасность в политической, экологической и инфраструктурной области и даже проблемы терроризма и климатического сдвига”¹⁹. Речь идет о пересмотре проработавшей 30 лет парадигмы энергетической безопасности. Необходимость этого объясняется теми сдвигами в структуре спроса и предложения энергоносителей, которые произошли со времен формирования основных механизмов регулирования рынка энергоносителей.

Когда летом 2007 г. главный экономист компании British Petroleum (BP) Кр. Рюль презентовал в Москве ежегодный статистический обзор мировой энергетики, он четко обозначил свой основной тезис. Регионы добычи углеводородов продолжают отдаляться от потребителей. Запасы крупнейшего центра потребления – стран ОЭСР – снижаются, и их приходится замещать за счет наращивания импорта энергоресурсов из других стран. За последние пять лет межрегиональные экспортно-импортные операции в энергетике выросли почти на треть, или на полмиллиарда тонн нефтяного

---

¹⁶ См.: *Ергин Д.* Гарантировать энергетическую безопасность. – Россия в глобальной политике, 2006, т. 4, № 1, с. 59–60.

¹⁷ Международный энергетический форум (International Energy Forum) создан в 1991 г. как площадка для неофициальных многосторонних и двусторонних дискуссий и консультации по актуальным вопросам развития мировой энергетики и энергетической безопасности.

¹⁸ Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) основана в 1961 г. с целью способствовать быстрому и стабильному экономическому росту стран – участниц и расширению мировой торговли. Изначально членами ОЭСР были только развитые капиталистические государства. В 90-е годы в нее вошел ряд развивающихся стран. ОЭСР занимается координацией макроэкономической политики в крупных секторах – в финансовом, инвестиционном, в охране окружающей среды.

¹⁹ Цит. по: *Скорлыгина Н.* России нет места в парадигме. – Коммерсантъ business guide, 20.VI.2006, с. 34.

эквивалента. Основу прироста составили поставки из стран бывшего Советского Союза, Ближнего Востока и Африки. За счет этого удалось покрыть растущий спрос в Европе, США и Канаде, а также в Юго-Восточной Азии. По мнению Рюля, именно рост межрегиональной торговли углеводородами вызвал повышенный интерес к теме глобальной энергетической безопасности, а также усилил взаимозависимость поставщиков и потребителей энергоресурсов²⁰. Следует отметить: в имеющихся прогнозах утверждается, что после 2010 г. основной рост поставок будет исходить от меньшего числа стран, чем сегодня, и это не может не усилить тревогу по поводу энергетической безопасности. Поэтому, К. Мандиль, бывший исполнительный директор МЭА, выражает растущую озабоченность по поводу энергетической безопасности в мире и полагает необходимым незамедлительное вмешательство в эту сферу правительств, поскольку «энергетическая безопасность является общественным благом»²¹.

Таким образом, в мире, в котором усиливается взаимозависимость, энергетическая безопасность будет во многом зависеть от того, как государства выстраивают отношения друг с другом, будь то на двусторонней или на многосторонней основе. Вот почему энергетическая безопасность окажется одной из главных проблем мировой политики в предстоящие годы.

ПОНЯТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Отличия в трактовках энергетической безопасности основаны на том, что по отношению к энергетическим ресурсам одна страна выступает как экспортер, другая – как импортер. Поставщик заинтересован в высоких, а потребитель – в низких ценах за продукт, и оба – в надежности поставок. Ситуация осложняется наличием противоречий между государственными и корпоративными интересами энергетических компаний. Страны – экспортеры энергоресурсов главный упор делают на поддержание «стабильности спроса» на их экспорт, который, в конце концов, обеспечивает преобладающую долю их государственных доходов. Развивающиеся страны озабочены тем, как изменение цен на энергоносители влияет на их платежный баланс. Для Китая и Индии энергетическая безопасность – способность быстро приспосабливаться к новой зависимости от мировых рынков, что знаменует собой серьезный отход от их прежнего стремления к самодостаточности. Для Японии же это компенсация острой нехватки внутренних ресурсов за счет диверсификации, торговли и инвестиций. В Европе главная дискуссия сосредоточена на том, как лучше организовать диверсификацию импортируемых природного газа и нефти.

Россия видит свою задачу в том, чтобы восстановить государственный контроль над стратегическими ресурсами, а также над основными трубопроводами и каналами сбыта, по которым ее углеводороды поступают на мировые рынки.

Развитые страны теряют доминирующее положение в качестве покупателей энергоресурсов. Сначала это произошло с углем. К началу 1980-х годов развивающиеся страны догнали развитые по объемам потребления угля. Следующие 15 лет развитые и развивающиеся экономики делили мировую добычу практически поровну. Но с середины 1990-х годов развивающиеся страны стали потреблять все большую долю мирового производства угля. По состоянию на 2007 г. развитые страны потребляли треть мирового производства угля, а развивающиеся две трети. В дальнейшем разрыв увеличится.

Потом то же самое произошло с газом. Развивающиеся страны догнали развитые по потреблению газа в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Однако в 1990-е годы развивающиеся потребляли все-таки меньше газа, чем развитые (сказался экономический спад и сокращение потребления энергоресурсов на постсоветском пространстве). Од-

²⁰ Цит. по: *Гривач А.* Двигатель энергобезопасности. – Время новостей, 22.VI.2007.

²¹ *Mandil Cl.* Energy Security: the IEA's Perspective. New Orleans (LA), 2007, p. 18; <http://www.ica.org/rextbase/speech/2007/mandil/NewOrleans.pdf>

нако в 2004–2005 гг. развивающиеся экономики обогнали группу развитых стран в потреблении газа. По состоянию на 2007 г. развитые страны потребляли 37,4% мировой добычи газа, а развивающиеся – все остальное. Развитые страны сейчас потребляют более половины мировой добычи нефти. Но их доля в мировом потреблении постоянно сокращается. И в следующем десятилетии при сохранении нынешней динамики можно прогнозировать, что развивающиеся страны обгонят развитые и по потреблению нефти. Если же брать общее потребление всех энергоресурсов, то в 2005–2008 гг. развивающиеся страны догнали развитые. Прогнозируется постоянное увеличение доли развивающихся стран в потреблении энергоресурсов²².

Развитые страны перестали быть “основным покупателем” энергоресурсов не потому, что сократились их потребности (наоборот, потребление в этой группе стран устойчиво растет), а потому, что темпы роста развивающихся экономик выше, чем развитых. Это означает, что конкуренция за доступ к энергоресурсам, за обеспечение бесперебойных поставок будет обостряться.

В этих условиях в 2000-е годы активизировались дискуссии под общим названием “энергетическая безопасность”. При этом общего понимания этого термина у стран – экспортеров и импортеров нет. Страны – импортеры под энергетической безопасностью имеют в виду бесперебойные и устойчивые поставки энергоресурсов для нужд их экономик; страны – экспортеры – устойчивость спроса и долгосрочную стабильность цен. Однако есть и определенная общая база для экспортеров и импортеров углеводородов: этот аспект не должен стать препятствием для экономического роста в долгосрочной перспективе.

Свои взгляды на вопросы энергетической безопасности достаточно четко изложили Россия, США и ЕС. В США после 2005 г. принято несколько законодательных актов; последний из них “Закон об энергетической независимости и безопасности” 2007 г. (The Energy Independence and Security Act of 2007). Европейская комиссия разработала в 2005–2006 гг. “Зеленую книгу” по вопросам энергетической безопасности, официально принятую в 2006 г.²³ Россия сформулировала свои взгляды на проблематику энергетической безопасности при подготовке к саммиту G8 в 2006 г., проходившему в Санкт-Петербурге²⁴.

С точки зрения общих концептуальных подходов американские и европейские взгляды на энергетическую безопасность похожи. В американских и европейских документах формулируется амбициозная задача кардинального сокращения зависимости от углеводородов и построения в долгосрочной перспективе безуглеводородной экономики. На среднесрочную перспективу ставится решение следующих задач: расширять доступ к углеводородам и географию их поставок; способствовать увеличению добычи углеводородов и выводу на рынок максимального их количества; распространять в мире энергосберегающие технологии. Исходная посылка американских и европейских политиков – снизить зависимость от поставщиков углеводородов и иметь широкую географию поставок. Значительная роль (особенно в американском подходе) отводится принципам свободного рынка. США и ЕС считают, что на энергетическую безопасность развитых стран негативно влияет сужение пространства свободного рынка в распределении мировых энергетических ресурсов. Дело в том, что новые крупные потребители – Китай и Индия – стремятся заключать с поставщиками ресурсов долгосрочные контракты, соответственно все возрастающая часть углеводородов оказывается “заперта” в долгосрочных контрактах и не поступает на свободный рынок.

---

²² Сафранчук И.А. Мировой энергетический баланс. – Современные глобальные проблемы мировой политики. М., 2009, с. 24.

²³ Communication Green Paper. A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy, COM (2006) 105 final of 08.03.2006, {SEC (2006) 317} – http://ec.europa.eu/energy/green-paper-energy/doc/2006_03_08_gp_document_en.pdf

²⁴ Итоговый документ саммита “Группы восьми”. Санкт-Петербург, 2006. – Россия на мировых рынках традиционной и новой энергетики. М., 2009, с. 236–260.

Поэтому формулируется противопоставление “свободный рынок – долгосрочные контракты”. В рамках такого подхода США и ЕС выступают за сохранение максимального пространства свободного рынка для торговли нефтью, за расширение пространства свободного рынка в торговле газом (за счет сжиженного газа, торговля которым не ограничена географией газопроводов).

Российский подход к энергетической безопасности исходит из взаимозависимости поставщиков и потребителей, заставляющей их выработать долгосрочные взаимно приемлемые правила поведения. Под энергетической безопасностью понимается безопасность спроса и предложения, чтобы потребители получили уверенность в поставках, а поставщики уверенность в спросе. Последнее принципиально важно при входе в эпоху “дорогих” углеводородов. Многомиллиардные вложения в сложные месторождения и создание соответствующей инфраструктуры для доставки этих ресурсов потребителям лучше делать в условиях долгосрочной определенности и уверенности в спросе. Более того, на основе принципа взаимозависимости возможен был бы доступ поставщиков к сетям распределения энергии в странах – потребителях и ответный доступ компаний из стран – импортеров к добыче. При таком обмене возможно создание энергетической стабильности. Именно энергетическая стабильность и предсказуемость лежат в основе российских подходов к энергетической безопасности.

Приведем определение понятия “энергетическая безопасность”, которое сформулировано в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, одобренной решением Межведомственной комиссии по экономической безопасности Совета Безопасности Российской Федерации от 27 февраля 1998 г.

“Под энергетической безопасностью страны понимается состояние общества, которое позволяет при наличии внешних или внутренних угроз и дестабилизирующих факторов экономического, социально-политического, природного и техногенного характера поддерживать необходимый уровень национальной безопасности страны, устраняя и компенсируя негативное влияние этих факторов путем:

создания необходимых условий для развития экономической и социальной базы общества;

обеспечения надежного функционирования самого топливно-энергетического комплекса (ТЭК), а также гарантированного энергоснабжения потребителей его продукции;

повышения эффективности использования топливно-энергетических ресурсов и создания необходимых условий для перевода экономики страны на ресурсосберегающий путь развития;

осуществления экономически обоснованного экспорта топливно-энергетических ресурсов и расширения рынков сбыта;

поддержания на должном уровне технологической и экологической безопасности объектов энергетики;

укрепления внутренних и внешних интеграционных связей, расширения международного сотрудничества в энергетической сфере”²⁵.

К середине текущего десятилетия российское политическое руководство стало по-новому оценивать значение энергетики для развития страны. Концепция национальной безопасности РФ еще относит тенденцию к преобладанию в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих к числу угроз безопасности России в сфере экономики. Но постепенно шло убаюкивающее осознание выгод, которые несет с собой положение экспортера энергетических ресурсов. В “Энергетической стратегии РФ на период до 2020 г.” появился термин “внешняя энергетическая политика” и были определены ее цели: укрепление позиций России на мировом рынке и эффективная реализация экспортных возможностей топливно-энергетического ком-

---

²⁵ Проект Доктрины энергетической безопасности РФ. – Энергетическая политика, 1996, №2, с. 2–7.

плекса. Позднее, в контексте обеспечения глобальной энергетической безопасности была сформулирована амбициозная задача – добиться лидерства России в мировой энергетике²⁶.

В документе “Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.” приводится следующая формулировка: энергетическая безопасность – это состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства, экономики от угроз надежному топливо- и энергообеспечению. Эти угрозы определяются как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и собственно состоянием и функционированием энергетического сектора страны. Указанные секторы, сдерживающие развитие ТЭК, являются одновременно источником угроз энергетической безопасности России²⁷.

В этой связи академик Е.М. Примаков, отмечает: «Что вкладывается в понятие энергетической безопасности? Прежде всего, не односторонняя гарантия поставок, как трактуют энергетическую безопасность многие западные представители. Безопасность должна обеспечиваться “тройственной” гарантией: поставок со стороны стран-производителей; транспортировки со стороны страны, по территории которой она осуществляется; спроса со стороны стран – потребителей. Все они должны делить ответственность и риски за бесперебойное функционирование глобальной энергетике»²⁸.

Попытки определить энергетическую безопасность на глобальном уровне делались и делаются в рамках различных международных организаций. В Международном энергетическом агентстве под энергетической безопасностью понимают доступ к достаточной (по объему), надежной и доступной по цене энергии. При этом отмечаются и различия в приоритетах различных групп стран в этой сфере. Для стран – импортеров это, прежде всего, обеспечение надежности их энергоснабжения, диверсификация источников поставок энергоресурсов, обеспечение безопасности энергетической инфраструктуры, внедрение новых технологий для снижения зависимости от импорта энергоресурсов. Для стран – экспортеров, это – закрепление на стратегических рынках по экономически выгодным ценам, обеспечение капитала и финансирования инвестиций в инфраструктуру и разработку ресурсов²⁹.

Отмеченные приоритеты характерны и для стран постсоветского пространства на современном этапе, с поправкой на особенности трансформационного периода. Для государств этого региона, в отличие от экономически развитых стран Запада, обеспечение энергетической безопасности является условием и фактором экономической модернизации, как в структурно-технологическом, так и в организационном плане. Кроме того, страны СНГ постоянно испытывают разновекторное давление со стороны крупнейших “игроков” мирового рынка, по разному определяющих свои подходы к глобальной энергетической безопасности. Переход к расширенной трактовке безопасности в современной политологии произошел с середины 90-х годов. Энергетическая безопасность стала рассматриваться как часть экономической, которая, подобно экологической безопасности, входит в систему универсальной, всеохватывающей безопасности.

“Энергетическую безопасность” авторы книги “Энергия и безопасность: на пути к новой внешнеполитической стратегии” определяют как “обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной

---

²⁶ Вступительное слово Президента РФ В.В. Путина на заседании Совета Безопасности 22 декабря 2005 г. Роль России в обеспечении международной энергетической безопасности. – <http://president.kremlin.ru/text/appears/2005/12/99294.shtml>; Концепция национальной безопасности Российской Федерации. – <http://www.fn.mid.ru>

²⁷ Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. (утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234). – <http://www.minprom.gov.ru>

²⁸ *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009, с. 148.

²⁹ Energy Security. Power Games. – The Economist, v. 378, 2006, 7 January, p. 13.

моши”. По мнению, президента Международного научного центра им. В. Вильсона Ли Гамильтона, “энергетическая безопасность – второй по важности компонент государственной политики безопасности после национальной обороны”. Причем, как полагает американский ученый, заниматься укреплением энергетической безопасности необходимо практически каждой стране мира, включая, конечно, Соединенные Штаты³⁰.

В целом понятие энергобезопасность не является в экспертном сообществе окончательно сформированным. На его трактовку оказывают влияние как объективные экономические факторы, так и установки правящих элит. Официальная позиция правительства по вопросам энергобезопасности представляет собой результирующую непрерывно меняющихся условий и амбивалентных в своей основе позиций различных политических сил.

“ВАШИНГТОНСКАЯ” И “ПЕКИНСКАЯ” МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Основной вызов энергобезопасности – нестабильность на международных рынках энергоресурсов во многом объясняется резко возросшей конкуренцией между основными моделями политической, технологической и экономической модернизации и обострившимся “идеологическим” противостоянием основных импортеров и экспортеров энергетических ресурсов. В действительности, ценовые скачки и панический страх перед лицом гипотетической угрозы временного срыва поставок углеводородов выявляет критическую значимость этого сектора для глобальной политической и экономической стабильности и устойчивого развития.

Так, абсолютное большинство экспортеров энергоресурсов рассматривает свои природные ресурсы и национальный энергетический сектор в целом как неотъемлемую часть государственного суверенитета, национальной мощи, равно как и эффективный инструмент для проведения динамичной внешней и внутренней политики. В ежегоднике “World Energy Outlook”, издаваемом Международным энергетическим агентством, утверждается, что “мир стоит перед лицом двойного вызова глобальной энергобезопасности, выражающегося в возможном дефиците доступных энергоресурсов и экологическом ущербе, вызываемом чрезмерным уровнем потребления углеводородов”³¹. Кроме того, постоянно усиливающаяся зависимость мировой экономики от импорта нефти и газа усугубляет последствия возможного прекращения поставок углеводородов и создает порой необоснованные панические настроения на мировых энергетических рынках.

Существуют два основных подхода к глобализации – так называемые “вашингтонский” и “пекинский” консенсусы. В чем различие между ними? Большинство политологов и экономистов утверждают, что подход к энергобезопасности напрямую зависит от политической линии субъекта энергетической цепочки. В то время как для потребителей важна стабильность поставок, экспортеры, прежде всего, озабочены стабильностью цен и спроса на углеводороды. Именно этот водораздел и служит наглядным примером фундаментального различия между западными и не западными моделями модернизации и управления природными ресурсами³².

Западная либеральная модель (так называемый “вашингтонский консенсус”) управления сырьевыми ресурсами направлена, прежде всего, на устранение политических барьеров, ограничивающих доступ для иностранных инвесторов к сырью и перспективным рынкам развивающихся стран и использование прямых иностранных инвестиций в качестве инструмента для эффективной приватизации нефтегазового сектора.

Теория и практика неолиберальной глобализации стали бурно развиваться с кон-

---

³⁰ Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy. Ed. by J.H. Kalicki and D.L. Goldwyn. Washington – Baltimore, 2005, p. 9.

³¹ См. World Energy Outlook 2006. Washington, 2006, p. 37.

³² См. *Mesquita B.B. de, Downs G. Development and Democracy. – Foreign Affairs, 2005, September/October.*

ца 70-х годов. Их суть сводилась к либерализации торговли и цен, дерегулированию предпринимательской деятельности, всемерному сокращению хозяйственной функции государства, строго фискальной политике³³.

Особое значение придавалось приватизации государственной собственности, а позднее в центре внимания оказались вопросы стабилизации финансовой системы, сбалансированности бюджета, в частности путем форсирования экспорта. Этот пакет требований получил широкую известность под названием “вашингтонский консенсус”, подготовленный Дж. Уильямсоном, бывшим вице-президентом Всемирного банка³⁴. Последний, как и ряд других западных экономистов, полагал, что рекомендации “вашингтонского консенсуса” носят универсальный характер и помогут снять острые проблемы и высокоразвитых, и слаборазвитых, и постсоциалистических стран³⁵.

Данный консенсус включает следующие элементы:

плавающие обменные курсы;

снижение торговых барьеров;

“зеленая революция” в сельском хозяйстве;

дешевая энергия (отчасти благодаря ядерной энергетике);

ускоренное развитие сектора услуг как основной сферы занятости и производства общественного богатства;

поощрение транснациональных корпораций, способных организовать производство в тех странах, где производственные издержки минимальны;

ослабление регулирующей роли правительства в национальной экономике³⁶.

Согласно возникшей в 1970-е годы неолиберальной модели, все барьеры в международной торговле должны быть устранены, а экономика каждой страны должна специализироваться на том, что составляет ее конкурентное преимущество. Основа основ неолиберальной финансовой архитектуры – отсутствие барьеров для перемещения капитала. Это дает международным финансовым институтам доступ на развивающиеся рынки.

Одновременно с этим в ряде стран (прежде всего, таких как Россия, Бразилия, Венесуэла, Индия, Иран и Китай) идет процесс выработки альтернативных сценариев глобализации (“пекинский консенсус”). Они смогли сочетать жесткий государственный контроль над стратегическими отраслями национальной экономики и управленческую эффективность частного сектора.

Концепция “пекинского консенсуса” была сформулирована англичанином Дж. Рамо. Теоремы “пекинского консенсуса”, согласно Рамо, утверждают ценность инноваций, нацелены на “управление хаосом” с помощью повышения качества жизни, достижения устойчивости и равенства в процессе развития. Они также предполагают использование рычагов воздействия на “большие гегемонистские державы, способные впасть в искушение наступить на вашу мозоль”³⁷.

Сторонники “пекинского консенсуса” считают, что энергетические ресурсы не только должны быть государственной собственностью, но и стать одной из ключевых “опор” национальной безопасности. Кроме того, страны – экспортеры энергоресурсов пытаются установить полный контроль над тремя основными элементами “энергетической цепочки” – добычей, транспортировкой и распределением энергоресурсов.

³³ Наиболее развернутый анализ неолиберализма дан в коллективной монографии: *Alternativas de izquierda al neoliberalismo*. Madrid, 1995, p. 457. Сжатое определение неолиберализма см. в сборнике “Восток – Запад – Россия”. М., 2002, с. 318–319.

³⁴ *Williamson J.* Democracy and the “Washington Consensus”. – *World Development*, 1993, № 21, p. 1329–1336; *idem.* The Washington Consensus Revisited. – *Economic and Social Development into the XXI Century*. Inter-American Development Bank, Washington, 1997.

³⁵ *Williamson J.* In Search of a Manual for Technopols. – *The Political Economy of Policy Reform*. Washington, 2002, p. 26 – 28.

³⁶ *Foreign Policy*, 2000, Spring, p. 87–103.

³⁷ *Ramo J.* The Beijing Consensus. London, 2004.

Иногда эти страны вынуждены идти на уступки “вашингтонскому консенсусу”, но, делают они это, только уступая сильному политико-экономическому давлению со стороны Вашингтона или Брюсселя, или тогда, когда конкретный компромисс служит их долгосрочным политическим, стратегическим и экономическим национальным интересам³⁸.

Эти государства также стремятся к реформированию сложившейся международной экономической системы или призывают к корректировке существующих механизмов, с тем, чтобы они отражали новый мировой политический и экономический баланс сил. Все это не отменяет приверженности этих стран принципам уникальности путей развития каждой страны, невмешательства в ее дела и приверженности строительству многополярного мира.

Следует отметить, что противоречия в сфере энергобезопасности наблюдаются не только в отношениях между экспортерами и импортерами энергоресурсов – разделительные линии пролегают также и внутри лагеря импортеров энергоресурсов. Так, наблюдаются серьезные трения в отношениях между развитыми (Северная Америка, Европа и Япония) и развивающимися (Китай, Индия), потребителями энергии, отражающие новый расклад сил на мировой энергетической арене.

С одной стороны, высокие мировые цены на углеводороды заметно усилили позиции традиционных экспортеров энергоресурсов. С другой – ряд развивающихся стран (прежде всего Индия и Китай) стал проводить ускоренную экономическую модернизацию и, как следствие, увеличили спрос на углеводороды и сырьевые ресурсы в целом. Нередко новые азиатские экономические гиганты напрямую обращаются к странам – экспортерам энергоресурсов и предлагают им военную, политическую и экономическую поддержку в обмен на гарантию долгосрочных поставок углеводородов.

Однако эти тенденции до сих пор полностью не осознаны руководством Международного энергетического агентства, которое продолжает оставаться закрытым элитным клубом развитых западных стран и держит “за бортом” как основных экспортеров углеводородов, таких как Россия и страны ОПЕК, так и новых импортеров энергоресурсов (Бразилия, Индия и Китай). Понимая, что большинство мировых запасов топлива находится за пределами государств – членов МЭА, новый исполнительный директор Агентства Н. Танака предложил координировать действия МЭА с планами ключевых энергетических игроков, не участвующих в работе Агентства. Данное предложение, однако, исключает формальное членство новых государств и не способствует реальному укреплению глобальной энергобезопасности³⁹.

Россия занимает уникальное место в международной энергетической системе. С одной стороны, это – энергетическая “супердержава” с колоссальными запасами углеводородов. С другой, – РФ сохраняет “энергетический нейтралитет”, не являясь членом ни МЭА, ни ОПЕК. Тем не менее, “российская модель” не является исключением и во многом базируется на альтернативном подходе к глобализации (“пекинский консенсус”). Использование альтернативных модернизационных планов не означает, что в Москве не заинтересованы в сотрудничестве с западным миром.

Однако часто конструктивные предложения, выдвигаемые Россией, вызывают неприятие политических и бизнес элит ЕС и США. Так, эти страны – импортеры выражают опасения по поводу намерений стран – экспортеров природного газа координировать свои инвестиционные и производственные планы. Это, по мнению руководства ряда западных стран, может привести к резкому ценовому скачку и подорвать принцип свободной конкуренции. Одновременно с этим, сторонники “вашингтонского консенсуса” не спешат принимать во внимание аргументы производителей “голубого топлива” – ведь разработка месторождений и транспортной инфраструктуры требует

---

³⁸ *Coby van der Line*. Energy in a Changing World. Inaugural Lecture as Professor of Geopolitics and Energy Management at the University of Groningen. – *Clingendael Energy Papers*, 2005, March, № 11.

³⁹ *Pilling D*. IEA Must Engage Beijing and Delhi. – *Financial Times*, 6 – 7.1.2007.

колоссальных финансовых затрат и, соответственно, гарантий со стороны будущих клиентов.

Для достижения поставленных целей российское руководство попыталось объединить управленческую эффективность частного сектора со стратегическим государственным контролем над ключевыми секторами российской экономики, такими как энергетика, оборонная и добывающая промышленность. При реализации подобных задач, по словам американского политолога Ф. Хилл, Россия заново изобрела себя, но не как военная супердержава, а как “энергетическая супердержава”⁴⁰.

В свою очередь, американский экономист Кл. Гадди, анализируя российские экономические преобразования, провел исторические параллели между российской действительностью и Германией начала XX в.: так, в 1914 г. кайзер Вильгельм II поставил перед ведущим немецким промышленником (и позже министром иностранных дел Веймарской Республики) В. Ратенау⁴¹ задачу, аналогичную целям, поставленным перед российским правительством, а именно – как создать эффективный экономический механизм, сочетающий максимально возможную управленческую эффективность частного сектора с высокой степенью государственного контроля над экономикой⁴².

По сути, российская энергетическая политика опирается на 4 базовых принципа:

- 1) государственный контроль над стратегическими ресурсами, их добычей и экспортом;
- 2) контроль над стратегической энергетической инфраструктурой;
- 3) стратегический контроль над процессом принятия решений в российском энергетическом секторе;
- 4) использование национального энергетического сектора в качестве экономического инструмента, создающего для российского государства определенные конкурентные преимущества как внутри страны, так и за ее пределами.

Поэтому внешнеполитические шаги российского руководства направлены на поддержание международных позиций своего энергетического сектора. Несомненно, что за спорами по поводу делимитации дна Каспийского моря, арктическими экспедициями и заявками на расширение российской эксклюзивной экономической зоны в Арктике стоят долгосрочные стратегические интересы России. Скрытая или очевидная поддержка государства просматривается и за международной экспансией российских энергетических компаний, включая обмен активами, приобретение активов, разведку и добычу полезных ископаемых, участие в инфраструктурных проектах и прямое проникновение на рынки сбыта в США, странах ЕС, Азии, Африки и Латинской Америки.

Таким образом, различие в подходах развитых и развивающихся стран (и России) к вопросам собственности, инвестиций, контроля над ресурсами, доступа к рынкам и контроля над “энергетической цепочкой” сводится к следующему. Страны – экспортеры энергоресурсов пытаются получить максимальную выгоду от торговли ресурсами, сохранить контроль над национальным энергетическим сектором и использовать “нефтедоллары” для финансирования внутренней модернизации и активной внешней политики.

Одновременно страны – импортеры энергии предпочитают либеральные “правила игры”, кодифицированные, в том числе и посредством ВТО. Они рассматривают энергетические ресурсы как простой товар и требуют применения принципа свободной конкуренции в энергетическом секторе стран – экспортеров.

От того, смогут ли экспортеры и импортеры энергоресурсов найти общий язык и прийти к общему знаменателю, будет в конечном итоге зависеть стабильность и эффективность мировой энергетической системы.

---

⁴⁰ Hill F. *Energy Empire: Oil, Gas and Russia's Revival*. London, 2004.

⁴¹ Ратенау Вальтер (1867–1922) – немецкий государственный деятель, промышленник и финансист, убит членами террористической организации “Консул”.

⁴² Caddy C. G. *Perspectives on the Potential of Russian Oil*. – *Eurasian Geography and Economics*, 2004, №5, p. 351.

РОЛЬ ФАКТОРА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЭНЕРГОРЕСУРСАМИ

Фактор обеспеченности энергоресурсами имеет огромное значение в развитии мировой и национальных экономик. В последние десятилетия за счет нефти и газа удовлетворялось более 60% мировых энергетических потребностей⁴³. Увеличение численности населения планеты, экономический рост, быстрое развитие автотранспортного комплекса обуславливали расширение спроса на энергоносители.

Одним из главных факторов, влияющих в последние годы на спрос на сырьевые материалы, становится стремительное развитие новых индустриальных стран, прежде всего Китая, Индии и других государств, расположенных в Юго-Восточной Азии. В 70–80-е годы лидирующие позиции в мире по темпам экономического роста и уровню социально-экономического развития занимали США, европейские страны, Япония. С конца 80-х годов более высокие темпы экономического роста отмечались в странах Юго-Восточной Азии. Для этих государств оказался типичным и стремительный рост спроса на сырьевые материалы.

Бурное экономическое развитие Китая и Индии, как заявило Международное энергетическое агентство в 2006 г. в своем докладе – прогнозе мировой энергетики, может привести к ужасающим последствиям для мировой энергетической безопасности, если правительства этих стран не предпримут усилия по сокращению потребления нефти⁴⁴.

В МЭА полагают, что Индия и Китай внесут 45% вклада в рост мирового потребления первичной энергии до 2030 г., когда спрос на энергоносители может возрасти на 50% по сравнению с текущими уровнями. В разделе, в основном посвященном развитию энергетики этих развивающихся стран и влиянию, которое оно оказывает на весь мир, признается, что от того, как Китай и Индия будут отвечать на растущие угрозы их энергетической безопасности, зависит положение во всем мире⁴⁵.

Еще одним фактором, оказывающим принципиальное влияние на развитие энергетики и динамику цен, становится сокращение запасов традиционных энергоносителей и увеличение вероятности падения мировой добычи нефти вследствие истощения запасов крупных нефтяных месторождений.

В целом можно говорить о том, что в развитии нефтедобывающей и, возможно, газодобывающей отраслей в ближайшие десятилетия будет наблюдаться пик роста, за которым последует постепенный спад объемов добычи. В некоторых странах, имеющих развитую нефтедобывающую промышленность, пик развития уже пройден. В частности, еще в 50-х годах XX в. главный геолог компании Shell К. Хубберт на основе расчетов предсказал, что пик добычи в США будет достигнут в 70-е годы XX в., что в дальнейшем подтвердилось развитием американской нефтедобывающей промышленности. При этом в 1956 г., когда делались эти оценки, в США было добыто 220 млн. т нефти, а в 1970 г. – на пике добычи – она выросла на 50% и достигла 330 млн. т. К настоящему времени она упала вдвое и составляет 160 млн. т в год. Основная идея, на которой строились расчеты Хубберта, заключалась в том, что пик производства достигается в отрасли, когда из нефтяного бассейна добыта половина имеющейся нефти⁴⁶. Выводы Хубберта оказались верны и для многих месторождений за пределами США. Сегодня считается, что развитие нефте- и газодобывающей промышленности с достаточно высокой степенью достоверности может быть описано с помощью расчетов Хубберта.

⁴³ International Energy Outlook 2007, 2007, p. 37.

⁴⁴ International Energy Outlook, 2006.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Впоследствии идеи Хубберта развивались многими специалистами. В частности, известность получила книга бывшего коллеги Хубберта, профессора Принстонского университета К.С. Деффейса: *Deffeyes K.S. Hubbert's Peak: The Impending World Oil Shortage*. Princeton University Press, 2001.

Для оценки будущей добычи американский геофизик предложил эмпирический закон для нефтяных месторождений: максимум добычи нефти наступает через 20–40 лет после максимума открытия новых месторождений нефти. Если проанализировать данные по эволюции открытия новых запасов нефти в мире и ее добычи, то можно отметить наиболее важные моменты в истории нефтяной эры человечества: 1963-й – год максимума открытия новых извлекаемых запасов; 1983-й – год, когда впервые потребление нефти превысило открытие новых запасов; 2003-й – первый после 1920-го год, когда не было открыто ни одного крупного месторождения (более 60 млн. т). И получается, что сейчас мир находится в начале новой эпохи – падения мировой добычи нефти. Таким образом, в соответствии с законом К. Хубберта мировая добыча нефти должна была начать сокращаться в 2003 г. Но научно-технический прогресс в нефтяных технологиях несколько отодвинул эту дату.

Согласно расчетному прогнозу Геологической службы США, постепенное падение мировой добычи нефти и газового конденсата начнется в 2010–2013 гг., а в России по этим данным падение будет наблюдаться чуть раньше, а именно в 2009–2010 гг., на Ближнем Востоке добыча останется стабильной без существенного роста до 2030 г., после чего и там начнется постепенный спад⁴⁷.

В конце 2007 г. немецкая Energy Watch Group (EWG - группа по энергетическому мониторингу) представила доклад, в котором утверждается, что добыча нефти в мире достигла своего максимума в 2006 г. и далее будет сокращаться на 7% в год. В результате к 2030 г. добыча нефти сократится с нынешних примерно 81 млн. баррелей нефти в сутки до 39 млн. баррелей. При этом эксперты EWG считают, что запасы нефти в мире также намного ниже, чем это принято считать. По их оценке, в недрах находится не 1,255 трлн. баррелей, а 854 млрд. баррелей. В том числе запасы углеводородов на Ближнем Востоке, который является главным поставщиком в мире, превышены почти вдвое (по оценке EWG, они составляют всего 356 млрд. баррелей, а не 677 млрд.).

Одним из индикаторов истощения сырьевой базы углеводородов может служить динамика открытий новых месторождений во времени, в их количественном и объемном выражении.

По данным международной компании IHS Inc, специализирующейся на формировании баз данных и предоставлении технической информации в области энергетики и инженерии, в 2001–2005 гг. в мире было открыто 2375 новых месторождений углеводородов. Это немного больше, чем в два предыдущих пятилетия, но существенно – на 15–17% – меньше, чем в пиковое десятилетие – 1981–1990 гг. В тот период было открыто более 5500 месторождений – максимальное количество за всю историю⁴⁸.

В отношении размера открываемых месторождений пик пройден гораздо раньше – он приходился на 1961–1975 гг. В тот период новое месторождение в среднем содержало 240 млн. баррелей нефти и газа в нефтяном эквиваленте (н.э.). Уже в следующее 15-летие этот показатель сократился втрое и продолжает снижаться.

Самым продуктивным пятилетием за всю историю был период 1971–1975 гг., когда было обнаружено 475 млрд. баррелей в н.э. новых запасов при среднем размере месторождения 250 млн. баррелей н.э. Звездой того периода было газовое месторождение Нор, открытое в Катаре.

Крупнейшим открытием периода 1996–2000 гг. явилось газоконденсатное месторождение Кашаган в казахстанском секторе Каспия. Российскими открытиями отмечены пятилетки – 1976–1980 гг. (Астраханское газовое), 1966–1970 гг. (Уренгой) и 1956–1960 гг. (Самотлор), а также пятилетие 2001–2005 гг. (Центрально-Астраханское)⁴⁹.

⁴⁷ Коммерсантъ business guide, 20.VI.2006, с. 32.

⁴⁸ Рассчитано по: Oil and Gas Journal, 2006, v. 47, № 104, p. 22, 23.

⁴⁹ Виноградова О. Нет открытий чудных. – Коммерсантъ business guide, 21.XI.2006, с. 36.

При рассмотрении различных параметров открытий 2001–2005 гг. аналитики отмечают некоторые тенденции⁵⁰. Во-первых, растущее значение открытий на шельфе. В последнее пятилетие из всего объема открытых запасов 30% приходится на сушу и 70% – на шельф, причем большая часть – на глубоководные части шельфовой зоны. Из 320 открытий в 2005 г. с суммарными запасами 4,5 млрд. баррелей нефти и 906,5 млрд. куб. м газа доля месторождений на суше составила 35%, остальные месторождения были открыты на континентальном шельфе, преимущественно глубоководном.

Во-вторых, преобладание в открытых месторождениях газа. Из общего числа месторождений, открытых в мире в 2005 г., 56% приходится на газ и 44% – на жидкие углеводороды.

В-третьих, сравнительно небольшие размеры новых месторождений. Запасы открытых в 2001–2005 гг. крупнейших нефтяных месторождений варьируются в пределах 1,1–3,3 млрд. баррелей. В сравнении с прошлыми десятилетиями эти объемы выглядят более чем скромными.

Такая же картина и с газовыми месторождениями: начальные извлекаемые запасы 10 гигантов мирового класса, последним из которых было Штокмановское месторождение, открытое в 1988 г., составляют 16–67 млрд. баррелей в н.э., а самое крупное открытие 2001–2005 гг. – 10 млрд. баррелей в н.э.

Таким образом, новые открытия очевидно мельчают. О роли же гигантских и крупнейших месторождений в мировой нефтяной индустрии красноречиво говорят цифры: 120 самых крупных месторождений нефти, которые составляют 3% всего фонда нефтяных месторождений, обеспечивают 50% мировой добычи, и в основном она поступает с месторождений, открытых 30 и более лет назад. При этом из 18 гигантов 12 находятся на стадии снижающейся добычи⁵¹.

Впрочем, дискуссия о том, когда мировая добыча нефти достигнет критического момента, после которого наступит ее неуправляемый спад, ведется уже давно. Существуют две основные точки зрения.

Первая – пессимистическая – состоит в том, что большая часть скоплений нефти в недрах уже выявлена, а около половины того количества, которое может быть извлечено, уже использовано. Момент начала необратимого снижения добычи близок, и мировая энергетическая безопасность, таким образом, зависит от того, успеет ли индустрия перестроиться на использование нетрадиционных и альтернативных источников энергии. Апологеты пессимистической точки зрения солидарны с Ассоциацией по изучению проблем истощения нефти (ASPO). Участников этой неформальной организации, возникшей в Европе в 2001 г., объединяет убеждение, что человечество уже стоит на пороге второй половины нефтяной эры и потому должно морально и технологически готовиться к вступлению в период сокращения запасов ключевого энергетического сырья, питавшего цивилизацию больше века.

В свою очередь, оптимисты считают, что к настоящему времени выявлено не более трети извлекаемой нефти, а оставшихся 4–5 трлн. баррелей при современном уровне годовой добычи хватит еще на 140 лет. Эту точку зрения высказывают чаще всего крупные нефтяные корпорации и ОПЕК, бизнес которых строится на долгую перспективу преобладания нефтегазовых энергоносителей в мировом энергетическом балансе.

История развития мировой энергетики показывает, что человечество в своем развитии прошло уже два энергетических уклада – дровяной (период до 1860 г. – начало промышленной эры в Европе) и угольный (1860–1960 гг. – период масштабной индустриализации планеты).

В 60-х годах в топливно-энергетических балансах государств стала увеличиваться

⁵⁰ Oil Depletion Analysis Centre. – Коммерсантъ business guide, 21.XI.2006, с. 37.

⁵¹ Брагинский О.Б. Мировой нефтегазовый комплекс. М., 2004, с. 26.

доля нефти, а на рубеже 60-х и 70-х годов нефть прочно потеснила уголь в качестве основного энергоносителя. С 80-х годов в мировом топливно-энергетическом балансе намечилось увеличение доли газа при одновременном росте объемов потребления альтернативных источников топлива⁵².

Вместе с тем точных прогнозов полного перехода на альтернативные источники энергии нет. А компании активно устремились развивать международный рынок сжиженного природного газа и покупать газовые активы. Ситуация, сложившаяся в настоящее время в энергетической отрасли, напоминает 1960-е годы. Тогда мир охватила нефтяная лихорадка, приведшая к поиску нефти на территориях Северного моря и Аляски. Эти дорогостоящие проекты стали прибыльными только после роста цен в 1970-е годы.

Теперь “любимой игрушкой” инвесторов стал газ, что объясняется крайне ограниченным доступом к нефтяным ресурсам. Крупнейшие нефтяные компании уверены в дальнейшем росте спроса на газ. По оценкам Chevron, в то время как в ближайшие 20 лет спрос на энергоносители в мире, согласно прогнозам, увеличится на 50%, потребность в природном газе вырастет на 70%. Но в долгосрочной перспективе мировому рынку газа придется решать такие же проблемы, как и нефтяному.

Ситуация сегодня такова, что разговоры о диверсификации голубого топлива на европейский рынок стали вестись весьма активно. Однако политика “коридоров” к ресурсам без учета интересов всех реальных и потенциальных потребителей и поставщиков недальновидна и может привести к нестабильности. В Европе намечилось заметное потепление по отношению к “Северному потоку” и “Южному потоку”. В свою очередь российское руководство считает, что проект “Набуко”, являясь альтернативным маршрутом доставки газа, не представляет реальной угрозы для России, так как его потенциальная мощность не составляет и пятой части от объема российских поставок, хотя и понимает, что в глазах европейцев он – гарантия энергетической безопасности. Таким образом все субъекты энергетического рынка признают значимость трубопроводного транзита для европейской безопасности.

Главный вывод оптимистов сводится к тому, что в ближайшей и среднесрочной перспективе недостаток нефти и газа миру не угрожает. Однако открытие новых месторождений связано с большими трудностями, затратами и рисками.

Впрочем, глобального энергетического кризиса ждать пока не приходится. В то же время, на энергетическом рынке происходят сдвиги, поскольку существующая практика взаимодействия покупателей и производителей энергоресурсов все в меньшей степени устраивает стороны. С одной стороны, те нефтедобывающие центры, которые сложились в 1970–1980-е годы, близки к исчерпанию, с другой – появились такие интенсивно развивающиеся страны, как Китай и Индия, которые резко увеличили потребление энергоресурсов. Поиск новых энергетических центров, вложение капиталов в их развитие, жесткая конкурентная борьба за доступ к энергоресурсам, за обеспечение бесперебойных поставок будут определять представления акторов об энергетической безопасности. Однако остается главная проблема глобального энергетического рынка – зависимость одних стран от других.

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРАН – ИМПОРТЕРОВ НЕФТИ

Управляющий директор Центра стратегических исследований Всемирного экономического форума (ВЭФ) Дж. Дэвис предлагает вынести на обсуждение ВЭФ концепцию создания так называемой Organization of Petroleum Importing Countries (ОПИС) – организации стран – импортеров нефти (ОСИН)

Идея создания ОПИС (ОСИН) и сама эта аббревиатура и ранее обыгрывалась американскими и индийскими СМИ, а с 2006 г. о ней заговорили и политики. Тогда министр энергетики Индии М.Ш. Айяр предложил Китаю, Японии и Корею впредь

---

⁵² Петров В.В., Артюшкин В.Ф. Поведение цен на мировом рынке нефти (стратегические тренды, биржевые игры, макросценарии). М., 2004, с. 52.

совместно координировать политику импорта энергоносителей. Индия, добывающая примерно 35 млн. т в год, 75% своих потребностей в нефти удовлетворяет за счет импорта. “Даже если за ближайшие 120 лет мы увеличим добычу до 50 млн. т, это приведет лишь к росту нашей экспортной зависимости до 85% потребления”, – говорит господин Айяр. Он выступает с идеей создать паназиатский эквивалент МЭА, оговорившись впрочем, что “цель не должна заключаться в том, чтобы выставить организацию стран – импортеров нефти ОПИС против ОПЕК”⁵³. По его мнению, ОПИС должна была бы стать региональным механизмом обеспечения энергетической безопасности, поддерживающим бурный экономический рост Азии.

Дж. Дэвис мыслит более широко: ОПИС должна сменить ОПЕК в качестве инструмента стабилизации ценообразования в нефтяной сфере. В эту организацию должны войти ведущие мировые потребители нефти, такие как США, ЕС, Япония, Китай и Индия, которые займутся регулированием потребления, а не производства нефти⁵⁴.

Перед ОПИС стоят задачи трех категорий – долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные. На ближайшие 50 лет основной целью этой организации должно стать финансирование развития технологии производства альтернативных видов топлива, в том числе биотоплива, и исследований в области понижения потребления топлива. В среднесрочной перспективе (ближайшие 20 лет) странам – членам ОПИС предлагается совместно инвестировать в производственные мощности, которые позволят увеличить объем производства углеводородов, и обеспечивать защиту таких инвестиций путем укрепления безопасности в странах, где ведется добыча нефти и газа. В краткосрочной перспективе (пять лет) в условиях, когда стратегический потенциал стран – членов ограничен существующими инвестициями, им предлагается заняться координацией своей энергетической политики, а также созданием и внедрением программы купли – продажи энергоносителей из существующих резервов с целью оказать влияние на мировые цены.

Подразумевается, что координацию усилий в области производства альтернативного топлива должна взять на себя организация, построенная на модели МЭА, которая интегрирует в себя страны, ранее не участвовавшие в его деятельности. Однако, ставя вопрос об их интеграции в подобную Международному энергетическому агентству систему энергетической безопасности, концепция не уточняет, какая страна должна будет взять на себя лидерство в новой системе энергетической безопасности. Однако очевидно, что это будет не Россия. И места в этой новой структуре, как и в ее предшественницах, ей не находится. Тем не менее, необходимо принимать во внимание, что в условиях, когда “география энергетики” сдвинулась с Ближнего Востока к оси Саудовская Аравия – Каспий – Сибирь – Канада, Россия начинает представлять собой все более мощную энергетическую силу, с которой нужно подумать, как обращаться. Но как именно – не указывается и в этой редакции парадигмы энергетической безопасности.

* * *

В последние годы широкое распространение получила теория о том, что у потребителей свое представление об энергобезопасности, а у поставщиков – свое и вместе им, в силу фундаментального противоречия их интересов, никогда не договориться. Иными словами, может показаться, что поставщик и потребитель по-разному относятся к понятию “энергобезопасность”. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что нет энергобезопасности потребителей как антитезы энергобезопасности поставщиков, а есть энергобезопасность одна на всех; что, наконец, энергобезопасность нельзя построить в одной отдельно взятой стране. Так или иначе, но процесс обеспечения глобальной энергетической безопасности будет длительным, сложным и дорогостоящим.

⁵³ Коммерсантъ business guide, 20.VI.2006, с. 34.

⁵⁴ Там же.